

Н. В. Журавлева

**Изменение институции высшего образования как общественного блага
в контексте понимания закона убывающей предельной полезности**

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В.И. Ульянова (Ленина), г. Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация. В данной статье выделены, по мнению автора, значимые точки экономических и политических изменений, влияющие на количественные и качественные изменения в институции высшего образования на примере Российских вузов. Сделаны попытки объяснить происходящие изменения, используя законы теории предельной полезности и восприятия института высшего образования, как общественного блага.

Ключевые слова и словосочетания: институция; образование; благо; общественное благо; частный вуз; предельная полезность

В философском понятийном аппарате под благом понимается то, что включает в себе определенный положительный смысл. В русском языке слово «благо» чаще употреблялось в значении удовлетворения духовных человеческих потребностей, потребности пребывания в состоянии физического и душевного комфорта. Радость от обладания какой-то вещью не отождествлялась с благом, в случае пожелания финансового достатка, говорили о материальном благе. Термин «благополучие» употребляли в понимании благополучия всей страны. До сих пор под благодатью подразумевается нечто, посланное свыше.

Состояние комфорта в 90-е годы люди разных стран ощущали по-разному. Государства, представляющие противоположные общественно-экономические формации, более 70 лет жившие в изоляции друг от друга в конце XX века получили возможность узнать друг друга. В постсоветской России к терминологии маржинализма нужно было привыкать. Сегодня можно видеть в лекциях профессоров ВШЭ «примеры общественных благ – чистый воздух, транспортная инфраструктура, безопасность, правопорядок, национальная оборона и т.п.». Приводя эти примеры через запятую, автор приравнивает создание инфраструктуры для комфортного проживания и чистый воздух, который был благом на земле для всех дышащих живых существ изначально. В нашем понимании можно говорить о борьбе с загрязнением воздуха, как результате человеческой деятельности в сфере производства, в стремлении вернуть обществу благо дышать свежим воздухом. К созданию так называемого общественного блага относят то, что должно являться нормой. Пока сделаны только попытки «приватизировать» воздух, а вот такого блага как земля люди стали лишаться с момента «огораживаний» в Англии, которые происходили насильственными методами. Земля давно является предметом купли – продажи и нас не удивляет застройка многоэтажками тех мест, где совсем недавно были совхозные поля. «Невидимая рука рынка» делает свое дело, и, лишаясь привычной среды обитания живых существ, люди полностью становятся зависимыми от так называемых общественных благ, производимых не без помощи этого рынка.

Постепенно, с переходом на рыночные отношения и обучение экономическим наукам по новым учебникам и методичкам, термин «благо» стал использоваться в определениях экономики общественного сектора (Public Economics), результаты функционирования которого главным образом определяются производством общественных благ. Перевод таких словосочетаний как public good и common good как общественное благо и коллективное благо, сужает истинный смысл слова «благо», позволяя отождествлять его с товаром или услугой. А эти понятия по законам логики не тождественны! В точном переводе мы имеем дело с товарами и услугами, произведенными для общественного или коллективного потребления. Получив готовые определения, студенты экономических факультетов, созданных в новой России вузов, заучивая их, не осознают ошибочность такого перевода, меняющего смысл самого понятия блага.

Образование в нашей стране, безусловно, было общественным благом. А сегодня на законодательном уровне закреплено как «общественно-значимое благо, под которым понимается целенаправленный процесс воспитания и обучения в интересах человека, семьи, общества, государства ... » [1].

Несмотря на это, коренным образом меняется институция высшего образования. Результаты одного из последних исследований Высшей школы экономики в рамках проекта «Мониторинг экономики образования» показали, что за десятилетие «беспрестанных реформ» число государственных вузов снизилось с 653 в 2010/11 учебном году до 495 в 2020, а количество частных вузов — более чем наполовину (с 462 до 229). Это, в свою очередь, «привело к значительному росту стоимости обучения, что тут же почувствовали потребители образовательных услуг». По мнению исследователей ВШЭ «предпосылками для общего роста цен на образовательные услуги стало почти полное исчезновение сети частных вузов». А для каких целей создавались частные вузы в России, привлекая в свои стены тогда еще многочисленных абитуриентов?

Вернёмся в 1991 год, в котором был принят закон о предпринимательской деятельности. Школы и вузы стали регистрировать на общих основаниях с коммерческими фирмами. Специальным постановлением правительство узаконило платные услуги в вузах и всячески поощряло «договорные отношения», которые не исключаются в законе и сейчас. «За несколько месяцев до распада Союза о совместном образовательном проекте (советско-американском университете) договорились президенты Михаил Горбачев и Джордж Буш – старший, так появился Международный университет в Москве. Из идеи создать экономическую магистратуру нового формата выросла Высшая школа экономики». [2] Образование из «общественного блага» превратилось в «услугу», а обучающиеся – в потребителей этих услуг. В последующее десятилетие произошло практически удвоение числа образовательных учреждений в новой России с 514 в 1990/91 учебном году до 965 в 2000/01 учебном году.

В мае 1996 года на заседании парламента в разделе «Образование и национальная безопасность России» было отмечено, что по статистике, каждый десятый подросток в возрасте 15-16 лет не занят ни обучением, ни работой. Именно тогда государственная политика в сфере образования стала ориентироваться на развитие частных образовательных учреждений, тогда же были отменены гарантии трудоустройства выпускников. У новой России не было ни собственных средств на государственную поддержку вузов, так и не существовало больше советских предприятий, куда распределяли выпускников. К 1997 году число негосударственных вузов составляло свыше 40 процентов от общего числа высших учебных заведений страны. Частные вузы – это вложенные частные деньги инвесторов и их интересы. Возникают сомнения, что эти заведения открывались с целью решения проблемы занятости и преступности среди молодежи России, хотя отчасти эта задача была решена. Понятие «образовательная услуга» прочно входит в терминологию общения и отношений в образовательной среде, эта тема популярна в публикациях.

Все рекомендации по реструктуризации советской системы образования начались с доклада ВБ «Российская Федерация: образование на переходный период» и были направлены на её уничтожение. И они частично выполнены, «или выполняются, как не парадоксально, с нарастающей жесткостью под девизом повышения качества образования». [3] Введение понятия качества образования в высшую школу новой России, по сути, трансформировало советскую высшую школу и внесло кардинальные изменения в структуру вузов, организацию учебного процесса, позволив российским вузам присоединиться к Болонскому процессу.

Во время экономического кризиса 2007–2008 годов началась первая волна закрытия вузов, не соответствующих стандартам, путем лишения аккредитации, но была приостановлена из-за возможных социальных проблем. В 2010/11 учебном году количество вузов в России достигло 1115 вузов – максимального значения (предельной полезности для инвесторов). В это же время все сильнее сказывался демографический провал 90х. В планах государства в области образования на 2011–2015 годы было продолжение совершенствования образовательных учреждений путем обновления сети вузов, не вошедших в число федеральных и национальных исследовательских университетов. После принятия этого плана, количество учебных заведений стало резко падать и к 2018 году составило 741 вуз.

В течение последних 20 лет происходит еще большее смещение в понимании высшего образования, полученного в вузах, как общественного блага в сторону признания его образовательной услугой. Тогда можно говорить о предельной полезности услуги. И насколько увеличивается общая полезность образования как услуги при потреблении дополнительной её единицы? Предельная полезность определяет спрос на благо (товар, услугу). Один из основателей теории предельной полезности Карл Менгер исследовал зависимость полезности от редкости предметов потребления. Входными данными этого исследования были человеческие потребности, которые Менгер определял как «разновидность неудовлетворенных желаний или неприятных ощущений, которые возникают в результате нарушения своеобразного физиологического равновесия». Интерес к познанию этого мира возникает у человека с первых месяцев жизни. «Российская империя родилась в век Просвещения, в обществе проснулась тяга к знаниям, она стала движущей силой развития страны» – эти слова произнес ректор МГУ им. Ломоносова Виктор Садовничий на открытии заседания международного круглого стола «Два века Российской империи». Однако нужно отметить, что Просвещение – понятие более ёмкое, «затрагивающее такие стороны человеческого бытия, которые образованию не всегда доступны». С изменением подхода к институции вузов, в стремлении соответствовать международным стандартам, российские вузы постепенно утрачивают значение общественного блага, превращаясь в коммерческий проект, в котором студенты – источник дохода, а преподаватели – инструменты для получения этого дохода. Но в контексте Закона убывающей предельной полезности, который гласит, что по мере увеличения количества потребляемого экономического блага его предельная полезность имеет тенденцию к сокращению.

Рост количества вузов в России с 2000/01 учебного года продолжался 10 лет и 2010/11 учебный год стал критической точкой для понимания истинных целей создания многих учебных организаций. В эти же 10 лет в США, напротив, произошло сокращение почти вдвое бюджетного финансирования некоторых направлений в образовании. Особенно это коснулось изучения гуманитарных и поведенческих наук. Цели выполнены и, поскольку границы для любого бизнеса были открыты, то по законам рынка, инвестиции, возможно, были перенаправлены на создание частных структур в России в области тех же поведенческих, гуманитарных, ну и экономических наук.

В конце февраля 2023 года Госдума приняла в первом чтении законопроект о внесении изменений в статьи 97 и 98 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» с целью создания ГИС «Федеральной информационной системы оценки качества образования», которая «позволит урегулировать все вопросы взаимодействия участников мероприятий по оценке качества образования, федеральных министерств и ведомств, региональных Минобрнауки и местных управлений образования в соответствии с целями и задачами». [4]

Какие задачи будут поставлены, и какими целями будут руководствоваться пользователи этого документа, формирующего образовательному сообществу повестку на ближайшие годы? Нужно обратить внимание на то, что сегодня соискателями в области образования являются выпускники годов бурного роста образовательных учреждений с определенными целями, а также преподаватели закрывшихся по тем или иным причинам структур, выполнивших свои цели.

По некоторым данным сегодня половина российских студентов получает образование на коммерческой основе. Стоимость договорного обучения не подлежат государственному регулированию, а определяется спросом. Является ли образование общественным благом, или образовательные учреждения оказывают услуги экономическим агентам – «субъектам экономических отношений, принимающим участие в производстве, распределении, обмене и потреблении экономических благ»?

«Переходный период» для российского образования не закончился. Демографическая яма, выход из Болонского соглашения, снижение интереса к традиционному образованию, введение обучения на коммерческой основе и повышение его стоимости, развитие системы альтернативного образования – указывают на то, что продолжится реформа высшего образования и трансформация институций вузов с тенденцией к их сокращению (по некоторым данным 50 университетов +100/150

прочих).[3] Есть опасения, что качественное образование вновь станет привилегией состоятельных семей. Понятия образовательного кредита войдет в наш обиход, заменяя понятие блага быть образованным в вузе. Сегодня в необъятном интернет пространстве каждый может найти любой обучающий материал. Одной из задач преподавателей становится задача научить студентов правильно пользоваться этой информацией. Но для этого преподаватели должны быть не только образованными, но и просвещенными. Каким будет это десятилетие для всех участников образовательных реформ, и что ожидать от поколения, которое получит образование, предлагаемое на выставках – продажах образовательных услуг высокорейтинговых вузов новой России?

Список литературы:

1. Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" от 29.12.2012 N 273-ФЗ (последняя редакция) // Консультант плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 21.03.2023).
2. Анна Докучаева, Дарья Борисенко Образование рынка образования: [Электронный ресурс]. URL: <https://special.theoryandpractice.ru/90s-new-education> (дата обращения: 21.03.2023).
3. Дружилов С.А. Демографический кризис и сокращение числа вузов в России // Научный электронный архив. URL: <http://econf.gae.ru/article/6462> (дата обращения: 21.03.2023).
4. Тамара Астапенкова Новая система оценки качества образования появится в России // Учительская газета. URL: <https://ug.ru/novaya-sistema-oczenki-kachestva-obrazovaniya-poyavitsya-v-rossii/> (дата обращения: 21.03.2023).

Natalia V. Zhuravleva

Changing the institution of higher education as a public good in the context of understanding the Law of Diminishing marginal utility

Saint Petersburg Electrotechnical University, Russia

Abstract. *This article highlights, in the author's opinion, significant points of economic and political changes affecting quantitative and qualitative changes in the institution of higher education on the example of Russian universities. Attempts are made to explain the changes taking place using the laws of the theory of marginal utility and the perception of the institute of higher education as a public good.*

Keywords: institution; education; good; public good; private university; marginal utility